

ПОВТОРЕНИЕ И ДЛИТЕЛЬНОСТЬ

Рассматривается взаимодействие между сущностными основаниями, появляющимися в контексте процессуального выделения функций системы, которая связывается с другими системами при помощи таких категорий как «длительность» и «повторение».

Ключевые слова: время; длительность; структура; система; методология; повторение.

А.А. Atanov

REPETITION AND DURATION

The article discusses interaction between essential bases emerging in the context of procedural deriving of system functions that is linked with other systems by means of such categories as duration and repetition.

Keywords: time; duration; structure; system; methodology; repetition.

Логика гностиков оказывает влияние на современную социальную и культурную жизнь. У каинитов преемственность события и его конец, каждое мгновение должно быть и новым, и старым одновременно. История есть круг, и нет ничего, что не существовало бы в прошлом, и не будет существовать в будущем. Для этого ссылались на Евангелие от Матфея (6, 12): «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (11, 12), «Царство небесное силой берется», а также на Первое послание Апостола Павла Коринфянам (13, 12): «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно, как я познан». В рассуждениях каинитов используется известный герметический принцип, то, что вверху, то и внизу. Из Первого послания Апостола Павла делались выводы о том, что все видимое нами является ложным. Из Евангелия от Святого Матфея — что на небо можно оказывать влияние. Всякий человек — это два человека, и истинный из них — тот, другой, — на небе. Наши поступки отбрасывают неистребимое обратное отражение — всякий наш поступок на небе превращается в свою противоположность. Миру придет конец, когда исчерпается число его возможностей, и поскольку повторений быть не может, праведник должен исключить (совершить) наигнуснейшие дела, дабы таковые не запятнали будущего и ускорили приход Царства Небесного. В каждом человеке должна совершиться история мира. Нет двух одинаковых мгновений, хочешь увидеть то, что не видели человеческие глаза, посмотри на луну. Хочешь услышать то, что не слышали человеческие уши, — послушай крик птицы. Парадоксальным образом отказ от повторений приводит именно к повторениям. Как можно оценить степень гнусности? Поэтому, используя оценочные суждения попадаешь не в мир как таковой, а в систему собственных убеждений где не видишь ни себя, ни мира. Взгляды и убеждения заменяют подлинную реальность

Апостол Павел в «Послании к Евреям» (9, 24–28) объясняет: «Ибо Христос вошел не в рукотворное святилище, по образу истинного устроенное, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие, и

не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище ежегодно с чужой кровью; иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира. Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею. И как человекам положено однажды умереть, а потом суд, Так и Христос, однажды принесши Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих, во второй раз явится *не для очищения греха, а для ожидающих его во спасение*».

Но существует другая традиция, настаивающая на всеобщем характере повторения. Китс, полагающий, что чарующий его соловей, тот самый соловей, которого слышала Руфь, «...бредущая по чужому жнивью».

Thou wast not born for death, immortal Bird!
No hungry generations tread thee down;
The voice I hear this passing night was heard
In ancient days by emperor and clown:
Perhaps the self-same song that found a path
Through the sad heart of Ruth, when, sick for home,
She stood in tears amid the alien corn.

Шопенгауэр выстраивает такую цепочку рассуждений: «Некая бесконечность предшествовала моему рождению. Так кем я был тогда? С метафизической точки зрения можно было бы сказать: я — всегда был «я», иными словами, все, кто в то время говорил «я», были мною. Если я скажу вам, что играющий во дворе серый кот, тот самый, который прыгал и проказничал пятьсот лет назад, вы вольны думать обо мне что угодно, но еще большая нелепость полагать, что это какой-то другой кот. Удел львов требует львиности, которая во времени предстает как некий бессмертный лев, живущий за счет непрестанно воспроизводящихся индивидов, их рождение и смерть не что иное, как биение пульса этого непреходящего льва. Форма проявления воли — ни прошедшее, ни будущее, только настоящее; первые два существуют лишь для действия (и за счет развертывания) сознания подчиненного рациональному принципу. Никто не жил в прошлом, никому не придется жить будущем; настоящее и есть форма жизни» [7, с. 54]. Именно такой подход и позволяет связать повторяемость с длительностью, увидеть сущностные отличия и смысловую определенность активного и пассивного синтеза. Длительность оказывается над временным основанием, общностью до временного различия.

В результате, как ни странно, обе традиции объединяются перед лицом вечности. Потому что единым основанием всех процессов как подлинных и действительных выступает не временная данность, а вечность.

С. Киркегор в «Повторениях» говорит: «...повторение есть исчерпывающее выражение для того, что у древних греков называлось *воспоминанием*. Греки учили, что всякое познание есть припоминание, новая же философия будет учить, что вся жизнь повторение. Лейбниц был единственным из новых философов, угадавший это. Повторение и воспоминание — одно и то же движение, только в противоположных направлениях: воспоминание обращает человека вспять, вынуждает повторять то, что было, в обратном порядке, — подлинное же повторение заставляет человека, вспоминая, предвосхищать то, что будет. Поэтому повторение, если оно возможно, делает человека счастливым, тогда как воспоминание несчастным, если, конечно, человек даст себе время пожить, а не сразу, в самый же час своего рождения, постарается улизнуть из жизни под каким-нибудь предлогом, типа: прошу прощения, забыл кое-что прихватить с собой» [2, с. 7–8]. Киркегор очень точен, он пред-

восхищает установку Фрейда о том, что из прошлого единственно можно извлечь опыт, жить прошлым нельзя. Необходимо иметь в виду, что Киркегор, ссылаясь на древних греков и Лейбница, не совсем прав. Он исходит из психологических посылок, которые и отразились в современной западной психологии, тогда как греки опирались на онтологическое основание, связанное с учением о бессмертии души. Греки живут в мире, где властвует судьба, для Киркегора и Запада уже возможна свобода.

В утренней молитве к Пресвятой Богородице есть слова: «И избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действий злых свободи мя». Здесь проводится абсолютное отождествление между свершениями и воспоминаниями. Это совершенно другая модель мировоззрения. «Повторение» в этой системе взглядов просто невозможно. Каждое действие абсолютно уникально. Если мы сталкиваемся с тождественностью происходящего с произошедшим, то для понимания истинного смысла нам необходимо связать воспоминание с действием и тем самым реконструировать систему значений, значимости и оценок. Поэтому любое «повторение» в этой системе будет не более чем кажимостью. Очевидно, что моделируется совсем иная парадигма действительности.

У человека на Западе многие ценности связаны с понятиями успеха и радости, но у любого успешного человека всегда есть темная фрустрирующая часть, которую никуда не спрячешь. Старое, отжившее и неэффективное должно умирать в человеке, а это больно. Что ты выбираешь? А выбора и нет, чтобы стать счастливым, нужно, чтобы несчастное и безрадостное умерло, а это всегда больно. В системе Фридриха Ницше одна из фигур утверждения — это идея Вечного Возвращения. Причем Ницше выражает Вечное Возвращение — это отнюдь не связующая и дающая смысл системе философии идея, а самая настоящая игра (игра в структуралистском понимании). Вечное Возвращение и есть сама жизнь, и способ жизни. Вечное Возвращение означает победу случая. Любимый герой Ницше Дионис. Бог, сотканный из противоречий и сам являющийся живым противоречием, бог случая, перехода и становления.

Вечное Возвращение есть не что иное, как бытие становления, единое многого, необходимость случайного. Здесь мы можем видеть прямую связь с длительностью, но возвращение Того Же Самого и Вечное Возвращение могут быть даны не в длительности, а в структуре повторения, связанной с длительностью. Ницше очень четко отличает Вечное Возвращение от возвращения Того Же Самого, иначе изменяется форма преобразования ценностей. Идеалом бы стало не рождение дионисоподобного сверхчеловека, а возвращение к старому и сохранение того, что может быть во времени. Тождество не предшествует многообразию. Возвращается не То Же Самое, так как возвращение и есть изначальная форма Тождести, которая лишь зовется становлением. То Же Самое не возвращается, единственное возвращение тождественно становлению. Здесь и закладывается методологический принцип новизны, становление возникает не как обращенность к старому и связь со старым, а как новое, которое никогда не существовало и не обладает никакой преемственностью, новое реализует себя в рамках длительности не в отношении к прошлому, а в повороте к будущему.

У Прокла в «Первоосновах теологии» [6, § 66–98] можем прочесть: «Все выступающее от чего-нибудь в смысле сущности, возвращается к тому, от чего вышло... Чем обуславливается бытие для каждой вещи, тем же и благо, а чем благо — к тому, прежде всего, и стремление, а к чему, прежде всего, стремление, к тому данная вещь и возвращается», — сущность связывается с Благом, как говорится у Платона: «Если

твоим уделом будет благо, то ты будешь счастлив». Благо есть единство объективного и субъективного, находящееся вне возможных различий. Благо и лично, и онтологично. «Все выступающее от чего-нибудь и возвращающееся имеет энергию круговую... Большие и меньшие круги принадлежат, с одной стороны, возвращениям непрерывно к лежащему выше, с другой стороны, к более высокому, и так до начала всего. Ибо все от него и к нему», — иерархия, но сопряженная с учением о круге и с учением о Едином, а также связанная с античным учением об энергии. «Все возвращается соответственно со своей природой, совершает возвращение к тому, от чего и получило восхождение для собственной реальности... Предметом стремления для всего является ум и от ума все происходит, так что весь мир имеет сущность от ума, хотя и вечен. И в силу чего он вечен, в силу этого он не происходит от ума, так как он, в силу чего вечно пребывает в устройении, в силу этого не возвращается к уму, но вечно происходит, и вечен по сущности, и вечно возвращается, и вечно неразрушим по своему устройению», — сущности не смешиваются и сохраняют свою природу. «Из всего умноженного, в связи с выступлением, первичное совершеннее вторичного... В самом деле, если выступления производят различия продуцируемого от продуцирующих причин и суть ослабления вторичного в отношении первичного», — выражается античное учение об эманации. «Из всего возникающего в связи с возвращением первичное менее совершенно, чем вторичное... Самое же крайнее — совершеннее всего... Возвращения происходят по кругу и, откуда выступление — от совершеннейшего, то, значит и возвращение происходит к совершеннейшему», — здесь излагается не учение об эманации, а выстраивается сопряжение становления с возвращением, т.е. с измененным направлением движения. «Все сущее возвращается или только сущностно, или также и жизненно, или — и познавательно. Другими словами, или оно получило от причины только бытие, или вместе с бытием жизнь, или восприняло отсюда и познавательную способность», — совмещение характера причинности с характером вовлекаемых в движение причины сущностных отличий. Избирательность присутствует и у Прокла, но у него она разворот к миру идей, который подразумевается существующим. У Ницше нет такого мира, поэтому он может говорить только о жизни.

У А.Ф. Лосева можем прочесть: «Сущее одно есть сущее одно становления, непрерывно и сплошно становящееся одно сущее. Непрестанное становление и сплошность изменения непрерывно и неизменно расслаивает одно сущее, отодвигает границы и размывает отверделую форму, превращает в беспредельное. Иное, в котором обретается одно сущее и которое само, значит, становится одним сущим, из беспредельного становится пределом, вечно пребывая в этих тающих возможностях беспредельного и предела. Это — беспредельно становящийся предел и предельно оформленная беспредельность становления» [3, с. 133]. Синтез сущего и не-сущего есть становление, течение, изменение [Там же, с. 132].

Вечное Возвращение Ницше — это возвращение Всего. Но у Ницше Вечное Возвращение носит избирательный характер, причем, дважды избирательный. В результате Вечного Возвращения нам дается автономный закон воли, свободной от всякой морали. Если я чего-то хочу, я должен хотеть это, как хочу Вечного Возвращения. «Хотеть» освобождает — но как называется то, что и освободителя заковывает еще в цепи?

«Было» — так называется скрежет зубовой и сокровенное горе воли. Бессильная против того, что уже сделано, она злобная зрительница всего прошлого.

«Обратно не может воля хотеть; что не может она победить время и остановить движение времени, — в этом сокровенное горе воли» [5, ч. II. Об избавлении].

Здесь желание должно становиться и становится абсолютным. Желание превращается в жизнь, оно и есть жизнь. Мысль становится жизнью, всей сущностью, полужелание здесь невозможно, «разочек» недопустим, нет никакой возможности отказаться от раз уже выбранного. Даже негативные человеческие качества превращаются в могущество утверждения. Моя доктрина учит: «Живи так, чтобы тебе хотелось еще раз прожить свою жизнь, это твоя обязанность, ибо все равно тебе предстоит жить заново! Тот, для кого усилие образует высшую реальность, пусть силится! Тот, кто любит подчиняться, слушаться, идти за кем-то, пусть себе слушается! Но пусть и знает, куда ведет его выбор, и ни перед чем не отступит! Ибо дело тут идет о вечности!»

«Эта доктрина мягка к тем, кто в нее не верит; в ней нет ада и угроз. Тот, кто не верит, почувствует в себе лишь убыль жизни» [4, ч. IV, с. 243–244].

Вечное Возвращение не только избирательная мысль, но избирательное бытие. Возвращается только одно утверждение, единственное, что может быть утверждено, только радость возвращается назад.

«Если некогда дыхание снисходило на меня от дыхания творческого и от той небесной необходимости, что принуждает даже случайность водить звездные хороводы.

Если некогда смеялся я смехом созидающей молнии, за которой, гремя, но с покорностью следует долгий гром действия.

Если некогда за столом богов на земле играл я в кости с богами, так что земля содрогалась и трескалась, изрыгая огненные реки.

Ибо земля есть стол богов, дрожащий от новых творческих слов и от шума игральных костей.

О, как не стремиться мне страстно к Вечности и к брачному кольцу колец — кольцу возвращения?

Никогда еще не встречал я женщины, от которой хотел бы иметь детей, кроме той женщины, что люблю я, ибо я люблю тебя, О Вечность!

Ибо я люблю тебя, о Вечность!» [5, ч. III. Семь печатей].

«Век — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле» (буквально Эон — ребенок, играющий в пессейю, ребенку принадлежит царская власть). Ницше здесь обыгрывает слова Гераклита. Все, что можно отрицать и что может отрицать, отрицается в своем движении, отвергаясь Вечным Возвращением. Вечное Возвращение есть не что иное, как самокатящееся колесо, оно гонит прочь все, что противоречит утверждению, оно уничтожает все формы нигилизма и реакции. Вечное Возвращение — вечная абсолютная избирательность сущего и есть основание современной нам действительности. Отказ от многих традиционных представлений, отказ от истории. Взгляд не в прошлое, а в многообразное, множественное, изменяющееся будущее, данное как великое единство, собирающее все в себе, стирающее различия и открывающее новый мир. Творческое начало входит в мир, человек начинает меняться и сам не замечает, как оказывается в новом мире.

Ницше называет Диониса вечным согласием бытия, сопряженным с вечностью. Дионис и есть тот Эон, та необходимость, которая творит случай. В учении орфиков утверждается, что Зевс хотел передать власть над миром Дионису, именно поэтому его разрывают на части титаны, когда Дионис был увлечен пляской Куретов. Дионис — сын Зевса, обладает бо-

жественными качествами, которые позволяют ему править миром или, более точно, ничем ни отличаться от мира, будучи господствующим принципом мира. Зевс превращается в мир и становится миром, после того как он проглотил мир.

Потеря сил Дионисом происходит, когда ему предлагают зеркало. Прокл пишет: «Посмотрев в него и увидев в нем свое отображение, бог выступил из самого себя и изошел во все разделенное на индивидуальные вещи творение». В поэме Нонна читаем: «Порешили титаны Тартарийским ножом, когда он рассматривал в зеркале ложный образ». Происходит умножение сущностей, а значит, потеря и распыление сил, не собиранье многообразного в едином, а исхождение единого во многое. После того как Дионис посмотрелся в зеркало, ему предложили следующие предметы, которые в дальнейшем стали символами таинств Диониса: игральную кость (астргал), мяч, сосновую шишку (или волчок), яблоки, трещотку, клочок шерсти. Эти предметы указывают либо на множественность, либо на кажимость, служа источниками ложных образов, будучи предметами для игры, «как бы настоящими». Связывая себя с этими предметами, через вступление во взаимодействие с ними Дионис утрачивает свой первообраз, теряет свое единство, окончательно облекается во множество. Силы единства в нем не остаются, и он гибнет от рук титанов. Стоит обратить внимание и на то, что титаны режут Диониса Тартарийским ножом, Тартару присущ эпитет «туманный». Из плоти растерзанного Диониса произошли люди, точнее, от копоты испарений пораженных молнией Зевса титанов, которые вкусили от плоти Диониса.

Вечное Возвращение через Диониса отправляет нас к единству и Единному, которое и есть Дионис. Случайное становится необходимым, и, наоборот, в образе Диониса и через образ Диониса они образуют единство, становясь Единным. Происходит то, о чем мечтал Ницше, стало возвращаться не То Же Самое, а стало действовать Великое Возвращение, связанное с волей, как единство Мысли и Бытия.

Идея о возвращении Того Же Самого вызывает к вечной повторяемости событий и указывает на цикличность истории. Идея эта не столь уж нова, Пифагор считал, что мир повторяется, созидаясь вновь, а человек связан бесконечной цепью смертей и рождений, лишь обращение к Единнице позволяет освободиться от вечного перерождения и успокоиться в вечном блаженстве абсолютного тождества. События же мира имеют тенденцию повторяться, и, как было сказано позднее, Платон вновь будет учить в Академии. Через возвращение Того Же Самого создается вечный лабиринт времени, мы не в состоянии освободиться от дурной бесконечности, всякий раз происходит возвращение прежнего.

Стоики стояли на классической античной позиции, доминирующим началом считался Рок или, еще более жестко, *amor fati*. Для стоиков не существует никакой абсолютно-личностной гарантии в бытии, человек ничего не знает о реальном протекании бытия не в силу своей временной ограниченности, а в силу того, что о бытии узнавать нечего. Все можно узнать лишь после того, как произойдет событие. Да притом можно ли сказать, что узнали? Все свершается независимо от человека и без учета положения человека в мире. В жизни греков господствовал фатум, достойно встретить предначертанное, ни на что не надеясь, в этом и состояла мудрость жизни. В их мире настоящее смешивается с прошлым, ведь, время не имеет никакого значения в мире, где правит судьба. Важно событие, а не его временная данность, ибо свершается то, что уготовано Роком.

Мы живем в совершенно другую эпоху, в которой акцент делается не на Рок, а на спасение и милосердие. Ввиду этого и возникает возможность выбора, кардинально меняются ценности жизни. Не случайно в средние века комедией называли произведение с хорошим концом. О грядущем конце человек античности подозревает, но он ни на что не надеется. Бо Цзюйи очень точно заметил:

«Прошлые видятся смутно дела, все похоже на сон.

Былые утехи поблекли, к истокам половина вернулась друзей.

Опьянение печалит, слезы льются в весенние чаши.

Песни горестны наши, сидим, приуныв, на рассвете при свете свечи.

Ты вернулся в циньские земли, из жарких пределов уехав.

Я ж устремился к Чжунчжоу, в клубы жаркого дыма вступив.

Если жизнь продлится, с тобою опять непременно увидимся мы.

Вот только где и в каком году — знаешь ли ты о том?»

Великий китайский поэт выражает взгляды, вполне свободные от религиозного влияния, своего рода философскую рефлексию. Жизнерадостности и той великой Радости, которая и указывает на то, что вершится Великое Возвращение, тут нет. Большинство произведений китайской, японской и корейской словесности не оптимистичны и не могут называться комедиями в европейском смысле этого слова, возможно, и поэтому, что логический или онтологический конец в этих произведениях отсутствует. Господствует вечная продолжительность. Эти настроения присутствуют и в массовом сознании, достаточно прочесть любую народную сказку восточноазиатских народов, например, «Повесть о старике Такэтори». Вечного Возвращения здесь нет. Очевидным становится наличие в западном мировоззрении христианских корней, без которых, пусть даже в отрицательном смысле (утверждение от отрицания основы), не могла родиться мысль Ницше о Вечном Возвращении.

Буддизм вообще не ставит вопрос о смысле и душе, в то время как Запад полностью занят поисками смысла, даже там, где его нет, причем бессмыслица может быть полностью упорядочена как полагание отсутствия смысла в смысловой реальности, происходит не отрицание, а отрицательное включение в основание возможности полагания. Но изменения в рационализм Запада были внесены средствами математического рационализма и математической логики. Из общеизвестных классических трудов мы можем назвать «детские» книги Л. Кэрролла. Мышление здесь уже не процедурное, а интуитивное, цели четко детерминированы. Буддизм стоит на противоположной точке зрения, в майе нет никакого смысла, Мара — активное начало, которое создает иллюзии, мешая реализации подлинного смысла. По сути дела, имеет место иная, чем на Западе система значений, которая подчинена совершенно другому смыслу. Смысл связан с другим представлением реальности, которая абсолютно нереальна для европейца.

У Томаса Манна в «Волшебной горе» есть очень точное определение, что человек, ведущий жизнь больного, есть только тело. Болезненность есть источник телесного, но она так же тело плюс еще что-то. Абсолютное здоровье тоже болезнь для больного в данном контексте, так как больной считает (рефлексирует), что у здорового человека слишком велика тождественность с самим собой. Тело в этом случае слишком хорошо уравновешено с внешней средой. Одно соответствует другому, в результате нет никакой возможности для появления и проявления новизны, тождест-

венность доминирует над различием. На самом деле — это и есть настоящее счастье. Гармония внутренняя соответствует гармонии внешней.

Болезнь же изменяет образ действительности, раскрывая смысл по-другому, заставляет его колебаться. Как замечает Ж. Делез в «Ницше», для Ницше был характерен переход из здоровья в болезнь и наоборот, своеобразные качели [1, с. 16–19]. Отсюда происходят возможные истоки понимания ограниченности человека и необходимость появления сверхчеловека. Но когда качели перестали работать, Ницше оказался не в состоянии сохранить себя в прежнем качестве. Его сумасшествие оказывается выходом из ситуации, возникает новый способ взаимодействия с действительностью, находящийся за пределами словесного выражения. Болезненность — изысканное несоответствие себя себе, чувствование иного проявления «Я» в себе, «я» оказывается в тесной взаимосвязи с состоянием «Я», иное проявляется не через внешние формы, болезненность становится основанием для проявления иного в себе. Что приводит к очень тяжелым результатам.

Список использованной литературы

1. Делез Ж. Ницше / Ж. Делез. — СПб.: АХИОМА, 1997. — 187 с.
2. Киркегор С. Повторение. Опыт экспериментальной психологии Константина Констанция / пер. П.Г. Ганзена. — М.: Лабиринт, 1997. — 160 с.
3. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука / А.Ф. Лосев // Бытие. Имя. Космос. — М.: Мысль, 1993. — С. 61–612.
4. Ницше Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. — М.: Культурная революция, 2005. — 880 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: в 2 т. / Ф. Ницше // Соч. — М.: Мысль, 1990. — С. 5–237.
6. Прокл. Первоосновы теологии / Прокл. — М.: Прогресс, 1993. — 319 с.
7. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Мир как воля и представление / пер. Ю.И. Айхенвальда; под ред. Ю.Н. Попова. — М.: Московский клуб, 1992. — 395 с.

References

1. Delez Zh. Nitsche / Zh. Delez. — SPb.: AXIOMA, 1997. — 187 s.
2. Kirkegor S. Povtorenie. Opyt eksperimental'noi psikhologii Konstantina Konstantiya / per. P.G. Ganzena. — M.: Labirint, 1997. — 160 s.
3. Losev A.F. Antichnyi kosmos i sovremennaya nauka / A.F. Losev // Bytie. Imya. Kosmos. — M.: Mysl', 1993. — S. 61-612.
4. Nitsche F. Volya k vlasti / F. Nitsche. — M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2005. — 880 s.
5. Nitsche F. Tak govoril Zaratustra: v 2 t. / F. Nitsche // Soch. — M.: Mysl', 1990. — S. 5-237.
6. Prokl. Pervoosnovy teologii / Prokl. — M.: Progress, 1993. — 319 s.
7. Shopengauer A. Sobraenie sochinenii: v 5 t. T. 1: Mir kak volya i predstavlenie / per. Yu.I. Aikhenval'da; pod red. Yu.N. Popova. — M.: Moskovskii klub, 1992. — 395 s.

Информация об авторе

Атанов Андрей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: phil@isea.ru.

Author

Atanov Andrey Alekseevich — Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Philosophy, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: phil@isea.ru.